

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-7-38

Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 года)

Е. А. Папкина¹, И. Е. Лоцилов^{2,3}

¹ *Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

² *Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

³ *Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья предваряет публикацию 14 новонайденных корреспонденций классика русской литературы XX в. Всеволода Иванова (1895–1963). Все они были напечатаны в августе – сентябре 1919 г. в передвижной фронтовой газете «Вперед» и связаны с творческой историей повестей и рассказов писателя о Гражданской войне в Сибири, в первую очередь с его знаменитой повестью «Бронепоезд 14-69». Публикация заполняет пробел, связанный с неполнотой комплекта газеты «Вперед» в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Пробел заполнен благодаря газетному фонду Научной библиотеки Томского государственного университета. Воссозданы ближайшие политические и литературные контексты работы Иванова в газете «Вперед», охарактеризованы его отношения с редактором газеты В. Г. Янчевецким (1875–1954), впоследствии известным как писатель Василий Ян. Предложено объяснение изменений политических взглядов писателя в 1919 г. Предварительно охарактеризована поэтика и жанровая принадлежность публикуемых корреспонденций.

Ключевые слова

Всеволод Иванов, Сибирь, сибирская печать Гражданской войны, Колчак, Василий Ян, В. Г. Янчевецкий, публицистика

Благодарности

Благодарим В. В. Нехотина (Москва) и Е. А. Макарову (Томск) за библиографическую помощь

Для цитирования

Папкина Е. А., Лоцилов И. Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 года) // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 7–38. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-7-38

© Е. А. Папкина, И. Е. Лоцилов, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

**Vsevolod Ivanov. Correspondences
from the Newspaper “Vperyod” (“Forward”)
(August – September 1919)**

E. A. Papkova¹, I. E. Loshchilov^{2,3}

¹ *A. M. Gorky Institute of World Literature RAS
Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

³ *Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article precedes the publication of 14 newly found correspondences of the classic of Russian literature of the 20th century Vsevolod Ivanov (1895–1963). All of them were published in August – September 1919 in the mobile front-line newspaper “Vperyod” and are connected with the history of plots and stories of the writer about the Civil War in Siberia, first of all, with his famous story “Armored Train 14-69”. The publication fills in the gap associated with the incompleteness of the set of the newspaper “Vperyod” in the repositories of Moscow and St. Petersburg. The gap was filled thanks to the newspaper fund of the Scientific Library of Tomsk State University. The political and literary contexts of Ivanov’s work in the newspaper “Vperyod” are recreated, his relationship with the editor of the newspaper V. G. Yanchevetsky (1875–1954), known as the writer Vasily Yan, is described. An explanation of the changes in the views of the writer in 1919 is proposed. The poetics and genre of the published correspondence is preliminary characterized.

Keywords

Vsevolod Ivanov, Siberia, Siberian press of the Civil war, Kolchak, Vasily Yan, V. G. Yanchevetsky, journalism

Acknowledgments

We are grateful to V. V. Nekhotin (Moscow) and E. A. Makarova (Tomsk) for bibliographic assistance

For citation

Papkova E. A., Loshchilov I. E. Vsevolod Ivanov. Correspondences from the Newspaper “Vperyod” (“Forward”) (August – September 1919). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 7–38. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-7-38

1919-й год во многом стал переломным в биографии Всеволода Иванова. Можно сказать, что именно этот год явился рубежом, отделившим провинциального литератора от одного из крупнейших писателей XX в., дал ему опыт участия в Гражданской войне и бесценный материал, благодаря которым появились классические произведения об этом периоде: повести «Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветра», рассказы «Дите», «Бык времен» и др.

Все тексты, публикуемые ниже, спустя более чем сто лет после их создания, были написаны Ивановым в 1919 г., в период его сотрудничества в передвижной фронтовой газете «Вперед», и должны были бы войти в научное издание повести «Бронепоезд 14-69» и сопутствующих материалов, подготовленное учеными из

Омска, Новосибирска и Москвы [Всеволод Иванов..., 2018]. Однако номера газеты, в которых они печатались, обнаружались, когда книга уже была сверстана. В нее вошли лишь те корреспонденции писателя из газеты «Вперед», которые опубликованы в номерах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва); публикуемые ниже произведения были напечатаны Ивановым в номерах газеты, отложившихся в Научной библиотеке Томского государственного университета (НБ ТГУ, Томск).

Перед нами те самые антибольшевистские статьи и рассказы, о которых Иванов писал Сталину в 1939 г.:

Я пошел к своему знакомому, сибирскому писателю А. Сорокину, и тот предложил мне поступить в типографию «Вперед», выпускавшую такую же, под тем же названием, колчаковскую газетку. Я поступил туда, будучи представлен редактору как писатель-наборщик. Газетка выходила в количестве 500 экзempl<аров>. Не подумайте, что малым тиражом пытаюсь снизить свою вину. <...> Словом, я написал в эту газетку несколько статей, антисоветских, и один или два рассказа. <...> Больше за мной никаких антисоветских поступков не числится [Там же, с. 369].

Эти корреспонденции выходили под псевдонимами *Иван Лыков*, *Вс. Тараканов* или были подписаны настоящим именем писателя – *Вс. Иванов*.

Передвижная фронтовая газета «Вперед» («Вперед!») выходила с 4 марта 1919 г. под девизами: «Верьте в Россию!», «Все для спасения Родины!», «Честь бойцам, смерть врагам» и др. Печаталась то в Омске, то в Екатеринбурге, то в Петропавловске. В ГАРФ отложились материалы переписки редакции газеты о высылке информации Российского телеграфного агентства (РТА), указывающие маршруты передвижения поезда «Вперед», из которых следует, что 25 мая 1919 г. газета-поезд выехала из Омска в Екатеринбург, куда должна была прибыть 1 июня¹. 14 июля Янчевецкий телеграфирует в Омск: «Типографию “Вперед” перевозжу в Томск временно для разгрузки пути. Прошу посылать <в> Тюмень телеграммы Осведверха. Прошу передать телеграмму агентству РТА <об> отправке их телеграмм для “Вперед” <в> Тюмень»². 24 июля газета возвращается в Омск³, а 19 августа выезжает в Петропавловск⁴, где и находится с 23 по 31 августа, после чего вновь отправляется в Омск⁵. Какой-то период она выходит в Омске, а номера от 16 и 17 октября печатаются с указанием места выхода «Действующая армия».

О направленности издания можно судить по редакционным статьям, печатавшимся на первой странице без подписи или с подписью *В. Я.* <Василий Янчевецкий>. Приведем несколько примеров. «Растерявшемуся обывателю, озирающемуся, за чью фалду ухватиться, ищущему повсюду варягов, которые бы им руководили, конечно, кажется слишком энергичным тон того русского, который желает стоять на собственных ногах. <...> Не бойтесь быть русскими и заявлять это». «Тот русский» здесь – это адмирал Колчак, который в издании сопоставлен с «великими подвижниками и патриотами земли русской: Иваном Калитой,

¹ ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 1.

² Там же. Л. 4 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 9, 7.

Дмитрием Донским, Александром Невским, Петром Великим, Столыпиным, Корниловым» [Вперед, 1919, 3 мая, с. 1]. «Сила воскресающей России – в национальном самосознании, в чувстве любви ко всему русскому, поруганному и оскорбленному бандами большевиков и их приспешников в эти трагические для Родины дни» [Вперед, 1919, 8 мая, с. 1]. «Мы зовем “вперед” – не только на большевиков, разоряющих нашу страну, но и вперед к лучшему новому строю жизни государства. Мы не позволим никакого презрения по отношению к старому строю, созданному могучей рукой императорского самодержавия и дошедшему до перелома, как сын, вставший на ноги, достигший зрелости, не позволит никакого упрека или неуважения к своему отцу... Но сын вырос, у него крепкие руки и смелая голова на плечах. Он хочет начать свою новую самостоятельную жизнь. <...> Так молодой русский народ, перешагнув через ужасы революции, еще израненный, и с своей молодой женой – бесприданницей свободой, залитый кровью, поет – вперед – к новой жизни, к восходящему солнцу» [Там же, 27 июля, с. 1].

Главным редактором газеты был полковник Василий Григорьевич Янчевецкий – будущий известный советский писатель *Василий Ян*. В посвященной жизни и творчеству писателя книге историк И. В. Просветов на основе анализа материалов газет «Республиканец» и «Вперед», которые редактировал в 1917–1919 гг. Янчевецкий, а также документов из Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива убедительно показал, что Янчевецкий «поступил на службу к Колчаку добровольно», получил от него благодарность; средства на расходы по изданию газеты «Вперед» выделялись из Особой канцелярии штаба Верховного Главнокомандующего [Просветов, 2016, с. 130–135]. Цитируя статьи Янчевецкого из «Вперед», дневники и мемуары полковника И. Ильина⁶ и другие документы, автор монографии реконструирует изменение взглядов Янчевецкого на ситуацию в армии и стране, его постепенное разочарование в возможности осуществления «идеи, которую декларировал Колчак, – строительство новой государственной жизни на началах свободного участия всего народа, всех классов и сословий...» [Там же, с. 144–178].

Молодой писатель Всеволод Иванов начинает сотрудничать в газете «Вперед», видимо, с весны или лета 1919 г.; судя по документам и воспоминаниям, устраивает его в газету известный в Омске писатель А. С. Сорокин, спасая от колчаковской мобилизации (см.: [Всеволод Иванов..., 2018, с. 349–356]). В «Истории моих книг» Иванов с иронией рассказывает, что на фронт газета не выезжала, а стояла в Омске в тупике и типографские рабочие, в том числе и он, там «отдыхали от войны», под звуки рояля, доносившиеся из салон-вагона [Там же, с. 385]. Б. Д. Четвериков в мемуарах «Стежки-дорожки» в том же ключе описывает дружную «молодежную компанию», в которую входили художник Е. Спасский, жена Иванова Маруся Синицына, молодые наборщики, дочь Янчевецкого Женья. Все «пели, шутили, смеялись» на свежем воздухе, влюблялись, прогуливались по полям вплоть до самого начала отступления, когда «стало опасным даже выходить из вагона» [Там же, с. 450]. Подтверждением этому, видимо, является обнаружен-

⁶ «Мы с ним [Янчевецким] много говорили о Колчаке, которому он очень симпатизировал, но на положение смотрел мрачно. Очень критически говорил о чехах, которые, по его мнению, играют в руку большевиков, и не менее критически отзывался о союзниках...» [Просветов, 2016, с. 142].

ная нами в одном из хранящихся в НБ ТГУ номеров газеты заметка, подписанная инициалами *Н. И.* и, возможно, принадлежащая перу писателя и журналиста *Н. И. Анова (Иванова)*, также сотрудничавшего в газете «Вперед»:

Ишим

20 октября с. г. в Городском театре состоялся вечер, устроенный Осведомительным Отделом Штаба 1 Сибирской Армии в пользу Егерской Бригады.

Силами драматического кружка прифронтовой газеты «Вперед» была поставлена пьеса *В. Янчевецкого-Кременец «Митрий Комиссар»* и шарж в 1 действии *Б. Четверикова «Демон»*.

Хорошая агитационная пьеса *г. В. Янчевецкого* шла второй раз и имела большой успех у публики. Нужно отметить игру *г-жи Таракановой*, сумевшей овладеть зрительным залом, а также *г. Спасского*, давшего верный образ представителя деревенской бедноты пьяницы Антипки. – Очень хороша была *г-жа Рогушина* в роли мальчика и *г-жа Георгиевская* – в роли крестьянки Насти.

Несколько шаржировали, но умело и смешно *г. Тараканов* и *г. Буреев* в роли красноармейцев.

Хромали, конечно, костюмы и декорации. Но недостаток этот простителен любителям, ставящим пьесы без всякой помощи и специальных костюмов.

Можно было ограничиться также менее энергичной стрельбой во время прихода красноармейцев – двадцать пять выстрелов давать во всяком случае не следовало. Это несколько разбило впечатление от пьесы.

Шарж «Демон», в котором принял участие сам автор *Борис Четвериков*, понравился публике не менее первой пьесы. Нужно отметить игру *г. Спасского (Демон)*, хороши были также *г. Тараканов* и *г. Буреев*. Недурно играла *Тамару г-жа Георгиевская*.

Жаль, что во время пения не было аккомпанемента – от этого пьеса много пострадала.

Закончился вечер кабаре, в котором отличался фокусник-любитель прапорщик *Иванов*. Деятельное участие также приняли сотрудники военной фронтовой газ. «Вперед».

Очень понравился публике прочитанный сибирским писателем *Вс. Таракановым* рассказ «Рогулька» и басни, рассказанные *Борисом Четвериковым* [Вперед, 1919, № 155, 30 (17 окт.), с. 2].

Упомянутый в тексте «прапорщик Иванов» – это *Вс. Иванов*, остальные описанные артисты тоже легко узнаваемы. *Б. Г. Четвериков* – молодой писатель *Борис Дмитриевич Четвериков (1896–1981)*, приехавший в Омск вместе с *Д. Бурлюком*; в газете «Вперед» часто встречаются его рассказы, очерки, частушки. *Спасский* – художник *Евгений Дмитриевич Спасский (1900–1985)*, также участвовавший в поездке *Бурлюка* по Сибири и Дальнему Востоку; в газете «Вперед» работал иллюстратором. *Госпожа Тараканова* – первая жена *Вс. Иванова Мария Николаевна Сеницына*, актриса. Сочинение *Янчевецкого «Митрий-комиссар (Драматическая пьеса)»* упомянуто в числе других вышедших из печати изданий газеты «Вперед»: посмертно изданной книги произведений *Ю. Сопова «Егерь»* и оперетты *Б. Четверикова «Красный бантик»* [Вперед, 1919, 16 окт., с. 1].

Очерк представляет сотрудников газеты «Вперед» в минуты отдыха, но, как показывают «очерки фронта» «У черты», которые *Иванов* печатал в газете «Сибирский казак» (сентябрь – ноябрь 1919 г.), и другие материалы, такие минуты выдавались нечасто...

Пять корреспонденций Вс. Иванова из «Вперед» вошли в состав посвященной «Бронепоезду 14-69» книги: «Господин Мартынов» [Всеволод Иванов..., 2018, с. 263–264], «Петропавловск (Стихотворение в прозе)» [Там же, с. 289], «Земское Совещание» [Там же, с. 291], «Узы дружбы» [Там же, с. 291–292] и «“Ходи” и “капитана”» [Там же, с. 292–293]. Остальные 14 из обнаруженных нами девятнадцати корреспонденций (памфлет «Одичавшие» печатался с продолжением, в двух номерах) лишь упомянуты в составленной А. А. Штырбулом, Е. А. Папковой и Ю. П. Зародовой хронике политических событий и биографии Вс. Иванова [Всеволод Иванов..., 2018, с. 704–717]. Здесь они воспроизводятся впервые после единственных публикаций в газете «Вперед».

В жанровом отношении эти произведения Иванова разнообразны: заметки, очерки, рассказы, сказки, памфлеты. Однако почти все они так или иначе связаны с произошедшей в 1917 г. революцией, в результате которой к власти пришли большевики, – с ее истоками, настоящим и будущим. Более всего, кажется, молодой писатель размышляет о том, что послужило причинами революции. Здесь и «наша темнота и некультурность» («Глухомань»), и неумение любить и защищать Родину («Жизнь и смерть»), и изнурительная война, окончить которую и принести долгожданный мир обещали большевики («Накануне»). Здесь и отсылки к роману Ф. М. Достоевского «Бесы», и мысль о том, что среди «предателей, проповедующих большевизм», «слепцов, его распространяющих», немало и тех, кто «желает под флагом революции» просто пограбить («Жизнь и смерть»).

Революция разделила Россию на два мира. В одном – красный террор, заложники в Петрограде («Накануне»), голод в Центральной России («Царь-голод»), «диктатура коммунистов, а не пролетариата» («Цепи страдания»). В другом – постепенно осознающие ложь большевистских Советов рабочие Ижевского завода, которые создают свой, народный Совет («Живая легенда»), пробуждение народа к борьбе за новую великую Россию («Жизнь и смерть»). Отдельный рассказ, «Одичавшие», посвящает Иванов будущему революции. Спустя 75 лет после установления «Всемирной Коммунистической республики», провозглашенной 9 сентября 1920 г., практически вся человеческая цивилизация оказывается уничтоженной. Одичавшие люди, рассматривающие найденные ими книги и письменные принадлежности, назначение которых они забыли, флаг «Всемирной Федеративной Республики Советов», в ненависти набрасываются друг на друга, сын убивает отца.

Трудно однозначно ответить на вопрос, почему Иванов, еще в апреле 1918 г. в газете «Согры» приветствовавший Советскую власть, летом того же года защищавший ее в Омске в составе Красной гвардии, спустя немногим более года нападает на нее так яростно. Вряд ли причины кроются в разочаровании начинающего писателя и журналиста, чье только что рожденное детище – «Цех пролетарских писателей и художников Сибири» («Согры») – в разгромной статье, опубликованной в «Известиях Западно-Сибирского и Омского областных комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» от 21 апреля 1918 г., было названо «Цехом пролетарских писателей и буржуев Сибири», а сами они – «жалкими самозванцами» [Там же, с. 530–531]. «Крайне прискорбно, – отмечает известный омский историк А. А. Штырбул, – что у омских большевиков и, в первую очередь, у одного из ведущих левых интеллектуалов города и региона К. Молотова, не нашлось так-

та и слов поддержки в отношении творческого порыва группы Сорокина – Иванова. Возможно, большевиков насторожило и оттолкнуло от мероприятия то, что в своем проекте группа “Согры” и “Цех” опирались, в том числе, и на некоторое содействие антисоветской Омской организации ПСР, а именно на одного из ее лидеров П. Н. Дорохова (поддержавшего “Цех” и его начинания) и на ее газету “Дело Сибири”, напечатавшую на своих страницах объявления-анонсы о “Сограх” и “Черном занавесе”» [Всеволод Иванов..., 2018, с. 533]. Еще одним «горчайшим разочарованием» стал для Иванова день 7 июня 1918 г., когда он с оружием в руках стоял на посту в Омской крепости и готовился защищать Советскую власть от мятежного Чехословацкого корпуса, а товарищи по партии, эсеры, забыв о нем, уплывали из Омска на пароходе «Андрей Первозванный» (см. об этом подробнее: [Там же, с. 379]). Но даже в очерке «Письма из Омска», опубликованном весной 1919 г. (Земля и труд (Курган). 1919. 22 марта), «более всех пострадавшими от диктатуры пролетариата» и «кошмарной Советской России» названы «торгово-промышленники, чиновенство и пр.», т. е. богатые люди [Там же, с. 263].

«Кратковременный отход» Иванова от революции А. А. Штырбул объясняет тем, что «квпервые после многих предшествующих месяцев неустроенности, голода, неблагополучия и отчаяния, он, попав в условия редакции военной газеты и ощутив что-то вроде уюта, вероятно, увидел хоть какую-то жизненную и творческую перспективу» [Там же, с. 556]. Можно также отметить влияние на Иванова общей направленности газеты «Вперед» и мировоззрения ее главного редактора В. Г. Янчевецкого.

Близкие отношения Иванова с Янчевецким продолжались и годы спустя после окончания Гражданской войны. По свидетельству Вяч. Вс. Иванова, отец часто в довоенные и послевоенные годы встречался с Янчевецким, они подолгу разговаривали (см. об этом: [Иванов, 2017, с. 316–317]). Много сближало этих людей. Молодой Янчевецкий, окончив историко-филологический факультет Петербургского университета, как и молодой Иванов, «отправился бродить пешком по России, изучая фольклор, быт, язык и нравы народа». Путь его лежал на Восток, через Хиву и Бухару, «до границ Индии»⁷. Примерно тем же маршрутом шел к вождельной Индии Иванов в 1913–1915 гг. Судя по словам Вяч. Вс. Иванова, его отец разделял и некоторые политические взгляды Янчевецкого, особенно в отношении России. Под влиянием ли Янчевецкого или опасаясь преследований за сотрудничество в колчаковской газете, Иванов в ноябре 1919 г. отправляется в поезд «Вперед» на восток, вслед за отступающей белой армией, а не дожидается в Омске прихода Красной армии и возвращения Советской власти. И так же, как и Янчевецкий, в итоге не покидает родины. Сын Янчевецкого писал, что, когда в конце 1919 г. при взрыве и пожаре погиб эшелон с походной типографией, отец отказался направиться дальше на восток вместе с откатывающимися другими эшелонами: “Надо быть со своим народом. А народ – за Советскую власть. Останемся со своими на родине”». При других обстоятельствах, видимо, такое же решение принимает и Всеволод Иванов. Через пять лет он подарит Янчевецкому том своих «Партизанских повестей» с надписью: «В память сибирских наших дней» [Янчевецкий, 1977, с. 37–39].

⁷ Янчевецкий В. Творческая автобиография (1953) (РГАЛИ. Ф. 2557. Оп. 1. Ед. хр. 585. Л. 4–5).

Публикуемые сочинения Всеволода Иванова неравноценны по своим художественным достоинствам, далеко не во всех читатель сможет узнать талант будущего писателя-классика. Думается, наиболее яркими являются не политически заостренные статьи, а такие рассказы, как «Четыре подвига», где Иванов выступает как художник слова, а не в роли насмешливого публициста.

Тексты воспроизводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых характерных особенностей авторского словоупотребления и авторских знаков препинания. В публицистике Вс. Иванова 1919 г. нередко встречаются ссылки на авторитеты культуры (Тит Ливий, Гёте и др.); некоторые из них с большой вероятностью являются мистификациями, построенными по образцу «мыслей и афоризмов великих людей», и принадлежат самому Иванову. В примечаниях указаны лишь те случаи, когда источник удается установить с полной или хотя бы относительной определенностью.

Список литературы

Вперед: Фронтная ежедневная газета. 1919.

Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / Отв. ред. Н. В. Кормиенко; сост. Е. А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.

Иванов Вяч. Вс. Проблема отношения к партиям и другим объединениям в биографиях начинающих писателей революционного времени (пример Всеволода Иванова) // Русская революция 1917 г. в литературных источниках и документах. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 311–321.

Просветов И. В. Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградил Сталин. [Б. м.:] Изд. решения, 2016. 302 с.

Янчевецкий М. В. Писатель-историк В. Ян. Очерк творчества. М.: Детская литература, 1977. 191 с.

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва

Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва

References

Ivanov Vyach. Vs. Problema otnosheniya k partiyam i drugim objedineniyam v biografyakh nachinayushchikh pisateley revolyutsionnogo vremeni (primer Vsevoloda Ivanova). In: Russkaya revolyutsiya 1917 g. v literaturnykh istochnikakh i dokumentakh [Russian Revolution of 1917 in literary sources and documents]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, p. 311–321. (in Russ.)

Prosvetov I. V. Desyat' zhizney Vasiliya Yana. Belogvardeets, kotorogo nagradil Stalin [Ten Lives of Vasily Yan. White Guard who was awarded by Stalin]. [B. m.:], Izd. resheniya Publ., 2016, 302 p. (in Russ.)

Vpered [Forward], frontovaya ezhdnevnyaya gazeta, 1919. (in Russ.)

Vsevolod Ivanov. "Bronepoezd 14-69": Konteksty epokhi ["Armored train 14-69": Contexts of the era]. Ed. by N. V. Kormienko, comp. by E. A. Papkova. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, 736 p. (in Russ.)

Папкина Е. А., Лоцилов И. Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед»

Yanchevetsky M. V. Pisatel'-istorik V. Yan. Ocherk tvorchestva [Writer-historian V. Yan. Sketch of creativity]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1977, 191 p. (in Russ.)

Archives

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (GARF), Moscow

Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archives of Literature and Art] (RGALI), Moscow

Сведения об авторах

Папкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)

elena.iv@bk.ru

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

loshch@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3642-2590

Information about the Authors

Elena A. Papkova – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

elena.iv@bk.ru

Igor E. Loshchilov – Candidate of Philology, PhD, researcher of Literary Studies Section of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

loshch@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3642-2590

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

Всеволод Иванов

Живая легенда
(Разговор в вагоне)

- Как у них пошло?
- А вот, постой, я тебе расскажу.
- Ну, давай, а под голову сейчас мешочек суну, для удобства. Рассказывай.
- Пришли они, значит, с войны. Живут, работают, раз советская власть – пусть, выбрали совет. Ну да ненадолго. Большевики, сам знаешь, народ до власти жадный – распустили вожжи. Ижевцы¹, те и понесли...
- Большевики?
- Да... Потасили, прямо на конец света. Начались реквизиции, обыски, а у Ижевцев был, знаешь, союз фронтовиков. Те – делегацию и марш – в Совет?..
- Вроде протеста?
- А то как же. Ну, а там – раз за заговор делегацию эту самую и в тюрьму.
- В тюрьму?
- Никаких. Народ, известно, сполошился: по какому такому праву. Спрашивают Совет – это почему? А там – молчать и никаких.
- Ловко!
- Уж куда ловчей. Контрреволюционеры, говорят, вы и белогвардейцы. И молчите посему. Те, видать, дело неладно – вот тебе и советская власть, начали морозовать² – нельзя ли проучать. Про обворужение вспомнили.
- Вспомнили?
- Да. А обворуженья – никакого нет. Что, значит, выработали за день – скажем пятьдесят винтовок да тысячу патронов – отдавай к вечеру в арсенал.
- Большевикам?
- Обязательно. Имели десятка два винтовок для примерки – это как сделают сравнить – хорошо ли, дескать. Патронов там, сколько полагается.
- Больше ничего?
- Ничего. Ну, что ж, думали, думали – надумали выступить. Будь, что будет. Говорят своим офицерам...
- Офицерам?
- А как же? У них, брат, офицеры свои – из рабочих. Скажем, ты образованием больше, в солдаты взяли – в школу прапорщиков попал и офицер. А как ты есть Ванька, так и будешь мне Ванькой. Вот и говорят они офицерам, вы, дескать, выручайте. Те, конечно, не отказались. Дали каждому задание, а потом однажды, под вечер – винтовки, которые сделали – не сдали, сигнальный свисток – и раз все!
- За обворуженье?
- А ты думаешь как? И на Совете. А Совет там на площади, как на макушке – весь его видно. А округ его здания заводские – ижевцев-то советчикам не видно. Ну, только подошли они, как из Совета-то жаркнуть из пулеметов.
- Ишь, черти!
- А у этих – только винтовки. Ну, большевики палят, палят, пули только во стенку да в стенку, а эти как возьмут на мушку, так и есть.

Папкова Е. А., Лоцилов И. Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед»

- Метко, значит?
- Страсть. Два дня дрались. Под конец большевики трусили, убежали.
- Лопнули.
- Да. Тогда эти выбрали. Совет новый, давай опять за работу приниматься. Только им офицеры и говорят: вы, дескать, напрасно так скоро-то запokoились. Большевики-то зря это не спустят.
- Где спустить.
- Ну и верно. Поставили они караул округ – пятьдесят человек, те и караулили. Через неделю или как – слух доходит до Ижевска, большевики, мол, с Сарапула идут. Три сотни, что ли, при двух пушках.
- А Ижевцы что?
- Ижевцы, конечно, собранные. Так и так – порешили драться. Обошли большевиков-то, да и в хвост их – раз!
- Побили?
- В момент пушки отняли. Только тут один им старик старый-престарый, аж в зелень, говорит: «Там, мол, в подвале где-то две пушки валялись, забракованы, чуть ли не при Николае Первом. Нельзя ли их приспособить». Вытащили, приспособили. А в ту пору большевики уж в полторы тысячи отряд шлют. И его разбили.
- Да ну-у?..
- Вот тебе и ну-у... Большевики еще того больше силу собирают на Ижевцев, да не удалось раздавить – подходят чехи³. И образовалась тогда особая Ижевская бригада.
- Из одних?
- Из одних рабочих. И так их большевики трусят – прямо сказать нельзя. Да ведь и есть чему – в атаку с гармошкой ходили...
- С гармошкой?
- Верно тебе говорю – у кого хочешь спроси. А на фронте на их посмотришь – чисто красноармейцы – оборваны, в своей одежде, а спросишь: «Какой части?» «Ижовской, отвечают, Ижовской...»
- И-жов-ской... Да-а...

Источник: *Вс. Тараканов. Живая легенда (Разговор в вагоне) // Вперед. 1919. № 117, 24 (11) авг. С. 2.*

Примечания

¹ Речь идет о событиях, связанных с антибольшевистским восстанием Ижевского завода (состоял из двух отделений – оружейного и сталелитейного) 7 (8) августа 1918 г. Поводом к восстанию послужила объявленная Советской властью мобилизация для участия в военных действиях в Казани, занятой частями Народной армии – одного из первых белых объединений на востоке России. 17 августа к восстанию ижевцев присоединились рабочие Камско-Воткинского судостроительного завода. Вскоре восстала вся южная часть Вятской губернии. Руководители восстания собрали под свои знамена до 25 тысяч человек, сформировали из них части (Ижевская и Воткинская Народные армии) и сражались в окружении 100 дней. В конце ноября 1918 г. ижевцы и воткинцы соединились с Народной армией.

² *Мороковать* – соображать.

³ Имеется в виду антибольшевистский мятеж Чехословацкого корпуса русской армии, который комплектовался осенью 1917 г. из взятых в плен во время Первой мировой войны чехов и словаков, изъявивших желание сражаться против Германии и Австро-Венгрии. 26 марта 1918 г. между Советской Россией и представителями Чехословацкого корпуса

было подписано соглашение о беспрепятственном перемещении корпуса во Владивосток через территорию России. Однако нарком иностранных дел Советской России Г. Чичерин под давлением Германского руководства распорядился остановить передвижение чехословацких войск, затем было принято решение о полном их разоружении. Мятеж чехов начался в мае 1918 г. и охватил значительную часть Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, в результате на этой территории были ликвидированы органы Советской власти.

Жизнь и смерть

Жизнь и смерть возлюбите и будете счастливы.
*Лао-Цзы*¹

Много писалось о причине появления у нас большевизма. О предателях, проповедавших его; о слепцах, его распространявших; о злодеях, желавших под флагом социальной революции – пограбить. И почему он появился – ведь не сдуру же на самом деле какой-нибудь Сидор Петров сделался коммунарком на беду себе.

– Они с устали, – говорили одни.

– Они по глупости, – сказали другие.

А какой-то умный человек сказал: «Они любят жизнь и не научились любить смерть».

И последнее – правда.

Никто не учил русский народ возлюбить смерть «за други своя», а если и учили, то так, что ученики понимали это учение наоборот.

Не учили любить Родину. Конечно, Сидор Петров любил свою Облупаевку, Голодаевский уезд, а всю Россию, – Господи, да разве охватить умственным взором, понять Петрову такую махину; что же ее защищать, да и придет ли немец к нам, когда мы от него тысячи верст. Никогда-то, ничего-то нам не будет.

И с мыслями такими сотворил Сидор Петров и его родственники октябрьскую революцию.

«Родину мы, дескать, не знаем, а Интернационал – звучит здорово – здесь что-нибудь да даст».

Сидор Петров получил по своим заслугам.

Когда он стал «нюхом», так сказать, понимать Родину – ее у него не было и мало того, не было своей Облупаевки, а был – приказ № такой, где Облупаевка называлась коммуной № такой-то. Главное неудобство коммуны состояло в том, что там есть было нечего².

И вот теперь Сидор Петров, один раз не захотевший умирать за Облупаевку, – восстал и пошел умирать за Родину. За ограбленную, голую нищую Родину.

Прекрасен – любящий.

И мы в моменты пробуждения любви к своему не должны повторять ошибок прошлого, а за неустанной творческой работой твердить: любите Родину.

Не будем смотреть на гадов, извивающихся у ног восставших и старающихся отхватить куски пожирнее для своих теплых конур; на гадов, хватающих последние крохи у людей, бегущих от красного Интернационала – эти гады подохнут от собственной жадности. Грязь не вечна, засыхает.

Впереди, будем помнить, нас ждет небывалый, могучий расцвет России – не понимавшей, не ценившей себя. Этот расцвет подарит миру величайшие челове-

ческие завоевания, ибо искушенный огнем и кровью, говорит древняя пословица, равен силой своей богам.

«Жизнь и смерть возлюбите и будете счастливы», – сказал китайский мудрец.

– Ради Родины мы возлюбили смерть и счастливы, – скажем мы.

Да, мы скажем!

Источник: *Всев. Иванов. Жизнь и смерть* // Вперед. 1919. № 119, 27 (14) авг. С. 1.

Примечания

¹ В оригинале опечатка: *Лео-Цзы*; возможно, намек на Льва Толстого (Leo Tolstoy), под редакцией которого вышел русский перевод трактата «Дао дэ Цзин» древнекитайского философа Лао-Цзы (VI–V вв. до н. э.), одного из основоположников даосизма. Как и многие другие афоризмы, приписываемые в сочинениях Вс. Иванова великим людям прошлого, эпитафия, вероятно, принадлежит ему самому: точного соответствия в сочинениях Лао-Цзы нет. Наиболее близкое из встречающихся в русских переводах трактата изречение гласит: «Входить в жизнь значит входить в смерть. Кто, пользуясь истинным просвещением, возвращается к своему свету, тот ничего не теряет при разрушении своего тела. Это значит облечься в вечность» (Изречения китайского мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым. М.: Посредник, 1911. С. 22).

² Коммуны начали создаваться в Советской России уже во время Гражданской войны. Отношение крестьян к коммунам часто было недоверчивым или даже враждебным. Разъясняя суть слова «коммуна», которое подчас «становится пугалом» из-за того, что некоторые руководители их, «войдя в партию коммунистов, воображают себя начальством», газеты апеллировали к истории России: коммуна «по-русски означает “община”», которая «испокон веков была мила сердцу русского человека». Истоки, «начало коммуны – в старине», когда «было много семей, состоявших из сорока и более душ, размещавшихся в трех или четырех просторных избах, построенных на одном подворье. <...> Все полевые, домашние и другие работы производились совместно – сообща. <...> И понятно, что такие семьи жили в полном довольстве и ни в чем не нуждались. К такому именно завидному благосостоянию всех стремятся и современная коммуна» (Что такое коммуна // Красная деревня. 1920. 6 апр. С. 2. Подп.: *Воля*).

Глухомань

...Сторона ты моя,
ты сторонюшка,
Вековая моя глухомань.
*Ив. Бунин*¹

Один мой знакомый рассказывал про поездку по Тарскому уезду, Тобольской губернии:

– Спрашивают нас мужики: вы какого правительства будете? Отвечаем: российского², мол. «А, – удивляются, – есть такое, значит, а нам тут пишут, нету, а объявилось новое правительство крестьянское, против буржуев которое. Оно и мобилизацию объявило». И показывают мужики лист бумаги, который рассылают по деревням спрятавшиеся в тайге шайки красных. На бумаге значит: «по указу нового правительства» и «на основании ст. ст. таких-то Свода Законов объявляется мобилизация. Не явившиеся будут расстреляны». «Что ж, – спрашиваю

мужиков, – идет народ?» Которые, отвечает, волости посланы, нельзя – законы указаны. Да, ведь, говорю, такого правительства нет! Мужики отвечают: а мы-то как знаем.

Вышеприведенные строки указывают на полную политическую неосведомленность населения.

Этим пользуются большевики, производят мобилизации, терроризируют население.

Тарский уезд отстоит от Омска в 300 верстах пути, что ж, нужно думать, делается в более глухих местах.

Только на нашей темноте и некультурности зиждется большевизм.

И только широко организованным всенародным освещением нашей Глухомани – мы излечимся от большевизма.

Посмотрите на солдата.

При мобилизации его, разве он не говорил, за кого иду я – не знаю, да и против кого – своих же; ведь, дескать, большевики тоже люди³.

А теперь? Увидав работу этих «тоже людей», видя, как от них, как от смерч<a>, чумы, обвалов бегут бедные, оборванные люди, бросая на произвол свои последние крохи имущества?

Беженство – манифестация ненависти народной к большевизму.

Здесь, правда, нет музыки – ее заменяют рыдания; нет флагов – их заменяют лохмотья.

И человек, который увидел это, не скажет более – большевики тоже люди.

Вот почему солдаты фронта со скрежетом зубным отходят назад, и, когда нужно, они ринутся, не рассуждая, схваченные ненавистью к врагу – вперед.

И враг будет откинут.

Необходимо осведомить деревню о происходящих событиях. Осведомить широко.

Даже города не нуждаются в осведомлении так, как нуждается деревня.

Все плакаты, летучки листовки – нужно направлять в деревню.

Города имеют ежедневные газеты – деревня не имеет ничего.

Деревня питается слухами.

И усилия, потраченные на это, не пропадут даром.

Наша армия пополнится кадрами новых бойцов – добровольцев.

Кадрами, которые раздавят красного дракона, пожирающего Россию.

Источник: *Всев. Иванов. Глухомань // Вперед. 1919. № 131, 3 сент. (21 авг.). С. 1.*

Примечания

¹ Незначительно измененные строки из стихотворения И. А. Бунина «Степь» (1913): «Сторона ли моя ты, / сторонушка, / Вековая моя глухомань!»

² Имеется в виду Российское правительство адмирала А. В. Колчака, образованное 18 ноября 1918 г.

³ Слова о большевиках перейдут в повесть «Бронепоезд 14-69» (1921): «Чать, и большевики люди, а?» [Всеволод Иванов..., 2018, с. 45]. По мере приближения краха колчаковщины среди различных слоев населения Сибири и Дальнего Востока, в том числе среди крестьян, стали распространяться слухи, что большевики изменились в лучшую сторону, и что с ними можно вполне ужиться. Объясняя причины влияния большевиков в дерев-

не и зачастую симпатию к ним и поддержку их крестьянами, газеты писали: «На самом деле вопрос не в большевиках, а в общей неурядице и отсутствии порядка, который трудно наладить в условиях Гражданской войны, если не прибегнуть к помощи самого народа. В деревне сейчас нет ни мануфактуры, ни сахара, ни сельскохозяйственных орудий, даже гвоздей и тех нет... Это с одной стороны, а с другой... порядку нет. Милиции мало, она не обучена как следует, попадаются среди нее всякие типы, с которыми само начальство иногда справиться не может. Наконец, идет рознь между старожилками и новоселами, новоселами и казаками из-за того, что новоселы не устроены в земельном отношении. Все эти обстоятельства и создают почву для недовольства, которым искусно пользуются большевики» (Головачев М. Деревня и большевизм // Сибирский казак. 1919. 17 сент. С. 2).

Четыре подвига

Живые картины

<I>

Тит Титыч. Толстый, лицо серьезно, коммерческое.

Контора. Пишущая машинка. Счеты. Блок-нот.

Считает деньги. Много денег. (Нам с вами таких не иметь, м.<илостивые> г.<осудари>.)

К столу протягивается худая рука. Виден обшлаг серой шинели. Слышен голос: «Помощи!»

Тит Титыч недовольно морщится. Берет одну бумажку.

В это время к столу протягивается другая рука – красная, с короткими пальцами-обрубками, волосатая. Рука почти хватает деньги.

Тит Титыч вздрагивает испуганно и дает торопливо первой руке целую пачку кредиток.

Тит Титыч садится к столу и пишет «письмо в редакцию» о том, как он пожертвовал на нужды армии 10.000 рублей.

II

Владивосток.

Кафешантан. На сцене певичка.

На нее устремлены жадные взоры кутящих спекулянтов.

Номер певички кончается.

У кулисы она читает полученные записки. Один предлагает тысячу за поцелуй, другой – три, третий – квартиру и обстановку.

А четвертый подходит и подает чек и записочку. На записочке – «Пароход до Египта. Матери – пятьдесят тысяч. Дом. Наследуете».

Аплодисменты. Восторги. Сдавленный шепот – «Подвиг. Вот подвиг».

III

Комнатка «внеклассового интеллигента» (так он себя называет). Обстановка лучше нашей, м.<илостивые> г.<осудари>.

Он за подвигом – пишет книгу.

Устал. В поту. Скрипит перо. Назойливо жужжат мухи вокруг его чела.

На столе письмо к другу: «Ты спрашиваешь о войне. Но это война реакционная, не могу же я воевать за реакцию, социализм придет эволюционным путем.

Сейчас я много работаю – “Кооперация в связи с капиталистической эксплуатацией белого угля”. Три тома, по 1100 стр. Не сможешь ли напечатать, пустяки – эту мыслишку в “Правде”? Vale»

Жена полуоткрывает дверь, робко выглядывает. На лице ее – «Тише, муж свершает подвиг – пишет свой труд».

IV

Поле.
Три березки. На березках галки.
Труп солдата.
Рядом винтовка.
Рука судорожно зажала затвор.
На лице покойное величие смерти.

Источник: *Лыков Иван*. Четыре подвига: Живые картины // Вперед. 1919. № 124, 6 сент. (24 авг.). С. 2.

Как они коммуны устроили

Сказка

Десятский ¹ Федотыч постукивал бодожком ² и жидким тенором вызывал:
– Братцы! На сход!
Пошли братцы на сход.
На сходу Ермишка-косой, пастух, тряся в воздухе бумагой, возглашал:
– Товарищи! Камуна пришла! Ура-а!..
Ура подхватили, а потом стали спрашивать:
– Камуна! Кто она?
Глухой дед Ефим беззубо прошамкал:
– Должно царь пришел. Слава те истинному Христу.
Деду Ефиму за «старорежимство» накостыляли по шее.
Порешили коммуны устроить «Как у всех».
На другой день Ермишка сказал:
– Товарища! Буржуям в камуне жить не полагатся.
Стали искать буржуев. Нашли Лавочника Антипова.
Стали думать:
– Куда его?
Решили миром:
– Послать в пастухи вместо Ермишки.
На третий день Ермишка сказал:
– Товарища! Попов в камуне не надо.
Ну, не надо – не надо. Взяли попа остригли и отправили на сенокос.
– Работай.
На четвертый день Ермишка сказал:
– Антилигенцию к чорту!
Стали думать – кто есть за антилигенция. Надумали – учительша.
Прогнали учительшу к чорту:

Папкова Е. А., Лоцилов И. Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед»

– И без тебя учены.
На пятый день Ермишка сказал:
– Хлеб и скот – равные должны быть. Разделить, а лишки в други деревни.
Думали-думали, галдели-галдели – как так лодырей кормить.
Решили миром:
– Нет.
Ермишка призвал, кого следует, – и скот, и хлеб отняли.
Да еще всыпали.
– Не ерохорься, – дескать.
На шестой день Ермишка сказал:
– Айда на войну!
Спрашивают:
– На какую-такую войну?
– Иди и никаких гвоздей.
Мир, вспоминая вчерашний день, вежливо попросил:
– Може, объяснишь?
– Читай газету.
– А коли мы неграмотны?
– Учиться надо.
Вспомнили они кое-что, да и уныло сказали:
– Пойдем, ребята...
На седьмой день (быв.) десятский Федотыч бегал под окнами и звал:
– В зборню!³
Пришли.
Галдят – мало галдели, сразу решили:
– Камуну и Ермилку – к чорту!
Призвали лавочника, попа да учительшу. Поклонились:
– Мы люди темные – помиримся?..
На восьмой день...
Что на восьмой день? Жили, как и раньше, только разве порядку более стало,
да ума прибавилось, да дураков убавилось.
Это только – сказка.
Никакого тут умствования не имеется.

Источник: *Лыков Иван*. Как они коммуны устроили: Сказка // Вперед. 1919. № 125, 7 сент. (25 авг.). С. 2.

Примечания

¹ *Десятский* – выборное лицо от крестьян, выполняющее обязанности полицейского.

² *Бодожок* (*бадажок*, *бадожок*) – трость, посох.

³ *Зборня* (*сборня*) – дом, где собирался деревенский сход.

Одичавшие
*Рассказ**

Нежная кора березок адела от лучей угасавшего солнца. С севера дул холодный, по-ночному, ветер.

Большая поляна, густо заросшая травой. Посредине – молодой березняк, сквозь его желтеющие листья видны полуразрушенные стены какого-то здания. Оттуда к небу текла тонкая струя дыма. Из лесу пахнуло осенней прельюю.

Пробежал заяц.

Послышался яростный лай, и выскочил из березняка огромный лохматый пес выродившейся породы ньюфаундлендов.

Кто-то хрипло крикнул:

– Цыть, Бук!

И, немного спустя, вслед за псом на поляну вышел человек.

Был он горбатый; длинное, заросшее волосами лицо какого-то тускло кирпичного цвета; маленькие, звериные глазки и осторожная, волчья, походка. Одет он был в грубо выделанную шкуру козла, подпоясан сыромятным поясом с привязанным к нему колчаном стрел.

Человек проворчал:

– На кого лаешь? Зверь?

Собака, вильнув хвостом, подпрыгнула и лизнула хозяина в щеку.

Человек неистово плюнул:

– Тьфу! Что тебя злой дух толкает?

И со страхом продолжал, подумав:

– Может быть не к добру? Никогда не смела меня лизать, а тут.

Он с силой пнул собаку. Бук с визгом, скаля клыки, скакнул в березняк.

Человек быстро оглянулся. Ноздри его зашевелились, и лицо хищно передернулось.

– Пи-и... – донесся откуда-то писк.

Человек наклонился и, быстро выпрямившись, натянул лук.

Ничего. Упал где-то сучочек.

Человек обождал и с дикой бранью ушел обратно.

Низкие, старые, заросшие крапивой, развалины. Обломки камней; кости, даже гниющий остов какого-то большого животного – не то оленя, не то быка; всякие нечистоты; обломки ржавого железа, а в высокой бледно-голубой вазе с отбитой ручкой – мелкая рыбешка, распространявшая запах гниения.

Здесь – приют последних остатков человечества. Сами они, впрочем, об этом не знают, и часто человек – отец – говорит о племени черных людей, обитающих на юге. Ходят предания, что черные люди соберут воедино разбросанных по земле людей, но они не знают, что три года тому назад племя черных людей вымерло все от оспы.

* В день предложенного вашему вниманию происшествия исполнилось ровно 75 лет со дня объявления Всемирной Коммунистической Республики, провозглашенной Всемирным Съездом Советов в Нью-Йорке, в 1920 г. 9 сентября.

Человек сердито сказал:

– Жена, обед готов?

Среди камней показалась седая, растрепанная голова женщины. Одетая она была так же, как и муж, только на длинной коричневой ее шее красовалось ожерелье из клыков волка.

Жена боязливо ответила:

– Бонек поздно мясо принес, да и дрова вышли – еле насобирала.

Человек рассердился:

– Всегда опаздывает, проклятие ему! С голодным брюхом идти на охоту? До чего довел меня, дьявол его возьми, рука сегодня дрогнула, с голоду и зайца убить не мог!

Жена соболезнующе что-то пробормотала.

Человек лгал – зайца он не видел, – ему не хотелось сознаться в нежелании идти на охоту. Когда у него было пищи хотя на один день, – он спал, валялся на солнце.

– Дров, медвежья лапа в сердце, нужно на зиму припасти! – пробормотал он, спускаясь по грязным, выщелившимся ступенькам в жилище.

Подвал имел маленькое окно; вместо стекла – натянутая брюшина. Толстые обрубки дерева заменяли стулья, а большой ящик, украшенный медью, – стол.

За столом сидит сын человека – Бонек, прямые волосы у него были перевязаны, перешедшей по наследству золотой цепочкой. Перед ним лежала грубо сшитая кожаная сумка.

– Отец! – обрадованным голосом крикнул Бонек. – Каких я штучек хороших много нашел.

Отец, с затаенной завистью, спросил:

– Где?

– Там, за железным языком. Копал и нашел. Копал зверя, – добавил он.

«Железным языком» называли они железнодорожный путь. Вероятно, потому что длинная, тонкая линия рельс напоминала, отчасти, язык. Правда, от железной дороги осталась только насыпь, заросшая кустарником.

– Едва разбил ящик. Хорошо, – топор тяжелый да камень еще сбросил на ящик. Смотри!

Бонек вынул из сумки стальную белую палочку с расщепленным концом и привязанную к палочке, на проволоке, стеклянную баночку с жидкостью.

– Что это? – спросил он у отца.

Отец положил ближе и, вспоминая, начал медленно пояснять:

– Мне молодому еще рассказывал отец, что этой палочкой писали.

– Пи-са-ли? Что это – пи-са-ли?

Бонек с трудом выговаривал незнакомые слова.

Отец, пытаясь что-то вспомнить, жестикулировал и плевался:

– Писали, ну, писали. Было на чем, писали... А теперь не знаю. Раньше, говорят, по воздуху летали.

Сын недоверчиво улыбнулся.

– Но как?

– Не знаю...

Бонек рассмеялся.

– Ничего ты не знаешь, а я знаю!

Мать подошла ближе и протянула руку к чернильнице, но Бонек отдернул и ударил стеклянкой об угол стола.

Стеглянка разбилась и жидкость потекла. Бонек, с радостным ревом, вымазал себе лицо чернилами.

Потом затанцевал.

– Та-та-та... та-та-та...

Отец и мать дико хохотали.

Сын, вдоволь натанцевавшись, продолжал.

– Смотри! – сказал он, выбрасывая на стол книгу в зеленом кожаном переплете.

– Это что?

Отец, пытаясь подыскать слово, объяснил:

– Это они называли книгами. По ним узнавали, как живут люди и где что делается.

Сын недовольным тоном прервал отца:

– Врешь? Нельзя по таким тоненьким следам узнать, где что делается. Даже ничем не пахнет, – понюхал он.

Отец неуверенно сказал:

– Нет, не вру!

– А не врешь – расскажи, что тут узнать можно.

Отец смолчал. Сын, бросая книгу в огонь, пренебрежительно сказал:

– Все старики любят врать. А эта штучка гореть хорошо будет – сухая.

Пламя ярко вспыхнуло.

Сын вынул компас, ножницы, кривой нож (при виде которого отец побледнел от зависти), какие-то зубчатые колесики, еще ряд мелких вещей.

Наконец он вынул что-то длинное, зашитое в холстину.

– А это я еще не смотрел, – заявил он с торжеством.

Отец выбранился:

– Чтоб тебя съел дьявол, как тебе везет.

Сын соорудил на лице нечто похожее на улыбку и вспорол нитки. Отец с матерью блестящими от нетерпения глазами, жадно следили за каждым движением его руки.

– Не рви, – сдавленным голосом предупредила старуха, – пригодится. Осторожнее.

– Знаю.

Оболочка была сорвана, и сын торопливо, дрожащими руками разбросил громадный ярко-красный флаг с вышитыми золотыми буквами: «Всемирная Федеративная Республика Советов».

– О-ох! – единодушно вздохнули три человека.

Сильно пылало пламя в очаге, освещая лохматые головы трех людей, с восторгом и удивлением глядевших на яркое полотнище с непонятной им блестящей надписью.

Они не знали, конечно, что впервые мысль об этом флаге возникла в России; оттуда перекинулась в Китай, Индию и Германию. Под предводительством германских офицеров кровавой волной прошли народы Востока, фанатично ослеп-

ленные учением красного пятиугольника по Европе, смели Францию, Англию, Италию. Оттуда красный пятиугольник проник в Америку. Началась Всемирная Гражданская война. В этой войне были разрушены до основания Рим и Лондон, взорваны на воздух сталелитейные центры Северной Америки, и в три месяца этой войны половина населения Англии умерла с голода, настолько сократился привоз пищевых продуктов.

Они не знали, конечно, что это флаг существовавшей десять лет Всемирной коммуны, повлекшей за собой гибель культуры и крушение цивилизации, более страшной, чем гибель культуры Вавилонии и Египта.

Бонек прервал молчание:

– Это я беру себе.

Отец, молча, восхищенно глядел на полотнище.

Мать жалобно пропищала:

– Сынок! Какое мне платье будет, а? Возьму я себе половинку, а?

Сын огрызнулся:

– У тебя ожерелье из волчьих клыков есть. Не дам.

Тут отец протянул руку и вырвал у Боника флаг.

– Я его себе беру, на рубаху, – твердо сказал он.

Лицо Боника налилось кровью, и, глотая звуки, он торопливо вскрикнул:

– Давай! Сам найди, старый леший! Тебе только, ящерице, спать!..

– А-а-а... – раскрывая широко рот, просипел от злости отец.

Мускулы правой щеки у него судорожно задергались, он сунул скомканный конец флага за пазуху и, махая рукой, сказал:

– Уйди! Сын ты мне или нет?

Бонек схватил за плечо отца.

– Отдай, шелудивая собака!

Человек – отец плюнул сыну в глаза и со всей силой ударил ногой сына в живот.

Бонек пошатнулся, схватив со стола нож, бросился, рыкая, на отца. У Боника из углов рта тянулась на одежду липкая, белая слюна и сорвалась повязка с головы.

В подвале слышалось быстрое дыхание двух дерущихся людей.

Старуха с испуганным хныканьем колотила то мужа, то сына какой-то палкой, не зная для чего.

Прошло полминуты. Одно из барахтающихся тел вдруг стукнулось головой об пол и послышалось предсмертное клокотанье в горле.

Поднялся устало на ноги Бонек, обтирая неторопливо острие ножа об платье.

Рядом с трупом его отца лежал в крови конец флага.

Бонек поднял флаг и сказал:

– Вымыть надо...

Потом взглянул на забившуюся в угол старуху, добавил:

– Не трону, не бойся... Тащи с него шкуру и давай есть... А после обеда зароем, не то еще вонять будет...

Старуха покорно встала.

Очаг прогорал, Бонек подбросил дров.

Далеко где-то выли волки, и у входа в подвал ворчала собака.

Всплывал на синее озеро – небо белый цветок – луна.

Медленно проходили пред ее ликом: темно-изумрудные леса; заросшие бурьяном развалины городов – темными кусками торчали кое-где соржавевшие скелеты машин; маячили темными провалами остатки заводов – гнезда крыс и мышей; спокойно блестели реки, мертвенно-бледные уста гор.

Человека здесь не было.

Земля отдыхала.

Источник: *Всев. Тараканов*. Одичавшие: Рассказ // Вперед. 1919. № 126, 9 сент. (27 авг.). С. 2; № 127, 10 сент. (28 авг.). С. 2.

Примечания

Картина общества будущего, родившегося в результате «последней революции» во вселенной, представлена Ивановым впоследствии в рассказе «Происшествие на реке Тун» (1925).

Ждут!

Миллионы сердец с трепетом и восторгом ждут.

Нас!

Миллионы людей, просыпаясь и засыпая, думают.

О нас!

Не сказка ли это? Не песня ли?

Нет – жизнь. И жизнь страшная, отвратительная. Жизнь под властью красной мяты, в мечте об освобождении. Когда на каждом шагу нужно думать о властителе, которого нельзя трогать даже помыслом, которому покорно кадить фимиам приказано. Иначе – смерть. Позорная, в темном углу застенка, под пулями китайских наемников ¹.

А впереди – «они!»

И с «ними» – Свобода!

И невольно хочется жить и жить.

И страдальцы ждут.

А здесь с яростью бьются четверо – <с> сильнейшим врагом «они». Сквозь красную колючую проволоку ползут израненные, истерзанные, оставляя на земле куски мяса и лужи крови. От крови почернела земля и плачет небо. Мелкими, суровыми слезами плачет. В серой шинели из туч – небо глядит на землю печальными глазами.

Вперед!

Ждут!

Каждый шаг наш вперед приближается ко дню Возрождения. Каждый шаг наш вперед радостью согревает измученные сердца. А там, в ярости мечется лживый красный пятиугольник – забрасывает воззваниями, сотнями тысяч газет, поездами книг. Но не привить народу того, чего нельзя, и «поднявший меч, от меча и погибает». Взывший на службу лживое слово измены – задохнется в этой лжи и умрет. Время.

Папкова Е. А., Лоцилов И. Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед»

Мы все должны помочь в приближении этого момента и ради счастья будущего – откинуть, хотя на время, настоящее, и – вперед!
Ждут.

Источник: *Всев. Тараканов. Ждут! // Вперед. 1919. № 129, 13 сент. (31 авг.). С. 1.*

Примечания

¹ Речь идет об имевшихся в составе Красной армии сформированных по национальному принципу (из латышей, китайцев, венгров) частях, которые не имели связи с коренным населением страны и часто отличались крайней жестокостью. Комментируя структуру Красной армии, генерал Сахаров отмечал: «При каждой бригаде была еще четвертая часть, интернациональный отряд, состоявший из латышей, мадьяр, евреев, китайцев и небольшого числа русских, фанатиков-коммунистов. <...> Служили для специальной цели усмирения всякого неповиновения или восстания да чтобы подгонять свои войска вперед, в атаку. Они расправлялись беспощадно...» (Восточный фронт адмирала Колчака / Под ред. С. В. Волкова. М., 2004. С. 195). Сибирские газеты информировали: «Ленин и Троцкий призывали 30 тысяч красных китайцев» (Вперед. 1919. 13 июня. С. 1).

Однажды осенью...

(*Совсем не по Горькому*¹)

С моря холодом дышал ветер. Небо хмурило брови. Шлепал синими губами дождь.

Под дырявую лодку («Федрессовде») ², дрожа, заполз человек.

– Хо-оло-дно... Бо-ояз-но-о...

И с тоской огляделся.

Где-то, в Будапеште, вспыхнул красный огонек и потух ³.

Человечек попытался приспособиться, но не мог.

Дождь и ветер не давали.

– Холодно, – повторил он.

Невеселые мысли ходили в его голове, точно солдаты красной армии.

«Умирать-то неохота... Во цвете лет, можно сказать...<>>

К лодке подошла темная фигура.

– Вы здесь, товарищ Ленин? – раздался робкий голос.

– Тише, Троцкий, не кричите – казаки близко бродят. Еще поймают ⁴.

– Зачем нас ловить? Мы честные люди.

Ленин уныло сказал:

– Там разбирайся... Полезайте, что ли.

Два приятеля тесно прижались друг к другу.

– Обнимитесь, что ли.

Троцкий обнял рукой костлявую шею Ленина.

– Ближе.

Троцкий придвинулся.

– Ну, как там, – спросил Ленин, – не прояснивает.

– Нет.

– Тучи так не скатываются?

– Не видно.

- Вон, как будто на востоке...
– Да где там, начали скатываться, а потом такая идет, что...
– Будет вам каркать. Ну, а юг?
– Глядеть страшно. С градом...
– С градом? С большим?
– Должно быть. Вы не бойтесь, нашу голову не прошибет.
Ленин пощупал голову:
– Правда, шапка у меня крепка.
– Не шапка, а голова. Хоть кол теши...
– Вы шутить-то шутите...
– А что вы мне под лодкой сделаете?
– Разжалую.
– От какого чина?
– Главным рулевым не будете.
– Лодка-то все равно дырявая. Плевать.
– Всемирным комиссаром не назначу...
– А мне плевать! Даже хоть бы.
– Это почему?
– Потому, что я сам себя куда угодно могу назначить.
Ленин, озадаченный, на секунду запнулся, но нашелся:
– Слушайте. Давайте помиримся, а то холодно.
– Не желаю. Я лучше к немцам пойду.
– Ну это дудки, я сам к немцам пойду.
– Кто еще пустит? А меня уже приглашали?
– Вас?
– Да.
– Немцы?
– Да...
– В таком случае...
Но договорить ему не дали.
Дюжий казак опрокинул лодку и сказал:
– Вы здесь? Пойдемте-ка лучше к нам.
Но – увы – наши герои лежали в глубоком обмороке от испуга.
Казак взял их за шиворот, по одному на руку и поволок.
Это было однажды осенью, а именно осенью тысяча девятьсот девятнадцатого года.

Источник: *Лыков Иван*. Однажды осенью... // Вперед. 1919. № 130, 14 (1) сент. С. 2.

Примечания

¹ Отсылка к рассказу А. М. Горького «Однажды осенью» (1895).

² Пародийное сокращение названия Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Квазинемецкое окончание (ср. в повести Н. С. Лескова «Левша» прозвище «граф Кисельвроде» вместо «Нессельроде») намекает на германские истоки русской революции.

³ Речь идет о Венгерской советской республике, просуществовавшей с марта по начало августа 1919 г. Этот недолговечный политический режим в советской печати часто упоминался как залог скорой мировой революции.

⁴ Вожди революции часто выступали в фельетонах и памфлетах белой печати как комическая пара. Сибирские газеты с конца 1918 г. печатали лозунги, зачастую основанные на словах Верховного Правителя, призывающие к борьбе с интернациональной властью, с Лениным и Троцким: «Владимир Ульянов-Ленин – братоубийца и предатель родины» (Вперед. 1919. 3 мая. С. 2. Подпись под портретом В. И. Ленина); «Телеграмма в Москву Ленину и Троцкому»: «...Привет отчизне, сном объята, / И пожеланья, чтобы ей / Не жить умом чужих князей, / С чего мы начали когда-то» (Там же); «За родину против интернационала» (Правительственный вестник. 1919. 17 сент. С. 2); «Ленин и Троцкий, конечно, способны <...> предложить мир <...> не нам, не русскому народу, а иностранцам, чтобы в момент окончательного поражения найти себе убежище и скрыться от законного возмездия...» (Голос армии. 1919. 4 окт. С. 4. Официальный отдел).

Накануне

Римский историк Т. Ливий говорит: «Всякое государство удерживается тем, благодаря чему оно возникло».

Большевизм возник благодаря вере народа в то, что «диктатура пролетариата» даст мир и материальное благополучие. Опирался он на рабочих и крестьян – солдат. Но ни мира, ни благополучия он не дал.

Эта вера, возникшая в три-четыре месяца, так же быстро исчезла, как и появилась.

Большевизм остался без друзей и помощников.

Тогда появились террор и голод.

И вот уже скоро два года, а большевизм есть и есть. «Знатные путешественники» из-за границы, сидя где-нибудь в Нью-Йорке или Лондоне, пишут:

«Большевизм, либеральное ученье, имеет крепкую почву среди русского народа».

А это – «либеральное ученье» всех либералов, «чтоб не беспокоили», ставить к стенке.

Но, говорят, пишете вы, пишете – большевизм падет, а он все держится.

Держится, правильно!

Вспомним, как держалась Германия пред своим поражением. Германия сильная, прекрасно организованная, была поражена в какой-нибудь месяц.

А большевизм, – безногий старик, – устами своего пророка Ленина сказал: «Конец». И стал искать спасения в коалиции с буржуазией.

«Жизнь всякого поучает, что он такое», – как говорит Гёте.

Буржуазии, конечно, не оказалось. И тогда вновь выплыл на сцену террор. Газеты сообщают о тысячах заложников, приготовленных «на всякий случай» в Петрограде. О колоссальной роли, которую играет Чрезвычайка в Совдепии.

Немного терпения – и все кончится так неожиданно, как и с Германией.

Траурные катафалки увезут Ленина и Троцкого в излюбленную ими Швейцарию.

Но приближающийся момент падения Советской власти должен застать нас готовыми для нового творческого созидания Великой Единой России¹.

Происходящая работа сообщества в государственном строительстве в последние дни показала, что наши надежды не будут обмануты.

Пусть не опустятся руки уставших. Еще немного – и лучи свободного солнца зальют облитые кровью равнины Родины.

«Под жесткою скорлупою терпения и забот мы находим сладкое ядро счастья», – говорит мудрец.

Мы скоро будем иметь возможность сказать это.

Источник: *Всев. Тараканов. Накануне // Вперед. 1919. № 132, 17 (4) сент. С. 1.*

Примечания

¹ Идею Новой Великой России правительство А. В. Колчака декларировало с самого начала своего прихода к власти и вплоть до осени 1919 г., когда армия отступала: «Новое смутное время! Один из периодов, когда на карту ставится будущее народа. Испытания, труд и борьба с врагами Государства Российского. Смелее, дружнее по этому суровому пути! В часы рождения новой Великой России!» (Голос армии. 1919. 8 окт. С. 1. Б. п.).

Царь-Голод

О голоде в Центральной России писалось достаточно. Но как-то мало места отводилось роли голода как помощника и друга власти Ленина и Троцкого.

Это так.

Не только террором держится эта власть, террор сам по себе не так страшен, да разве побоялись этого террора сытые крестьяне Украины и казаки Дона, свергнувшие советскую власть. Страх голодной смерти, боязнь потерять последний кусок – удерживает невольников Москвы и Петрограда от восстаний. Если восстание – большевики отрежут все пути подвоза, и чрез три-четыре дня население столиц будет умирать в голодных корчах.

Голодом держатся эти гнилые ножки Красного Трона.

Мы об этом плохо помним.

Плохо помним мученья людей, вся жизнь которых, каждая минута существования – покоятся на одной мысли, как бы поесть. Где бы поесть! Уходит, тает с каждым днем то, что прививалось десятками, сотнями лет – культура. Обнажается лицо зверя. Все помыслы сосредоточены на еде, да простят мне это сравнение, как у волков.

Как страшно!

Как страшно подумать, что целыми десятилетиями нам нужно будет лечить раны, нанесенные голодом. На ряде поколений отразится то, что сейчас испытывает гражданин «социалистической республики».

А апатия?

А – «Зеленая Армия»¹, не признающая города и не желающая давать ему своих продуктов? Крестьянство, измученное реквизициями и непомерными «революционными» налогами, отказывается засеять больше того, что ему нужно. Этим Город обрекается на смерть, отсюда один шаг до превращения рассадников культуры в кладбища.

Будем знать, будем помнить – Голод есть самый страшный враг России и первый друг коммунизма.

Папкова Е. А., Лоцилов И. Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед»

И помня это – нужно защищать Сибирь, чтобы ее не постигла участь центральной России, вымирающей от голода.

Если мы не принесем свободы из Сибири, а коммунисты проникнут сюда – Сибирь, однажды ограбленная, больше на другой год не даст, да и не в состоянии будет дать хлеб Сердцу России.

И тогда – России, как страны, не будет. На наши пашни, в наши города – придет кто-то другой и горько, горько посмеется над нами, над нашим бессилием.

Долой Царь-Голод!

С хлебом – в Москву!

Источник: *Всеv. Тараканов. Царь-Голод // Вперед. 1919. № 134, 19 (6) сент. С. 1.* Название отсылает к аллегорической драме Л. Н. Андреева «Царь Голод» (1908).

Примечания

¹ Зеленая армия (Зеленое движение, зеленые партизаны) – общее название нерегулярных, в основном крестьянских и казачьих, вооруженных формирований, противостоящих во время Гражданской войны и красным, и белым.

Цепи страдания

Петроградский Совдеп поручил Совету Народных Комиссаров обратиться к союзным державам, т. е. Англии, Франции, Америке и Японии с предложением мирных переговоров¹.

Явление обычное, конечно, для большевиков – «лавирующих», по выражению Ленина, среди «подводных скал капитализма».

«Народные Комиссары» после почти двухлетнего неслыханного предательства союзников, после разграбления России, – дружески улыбаясь, протянут руку Державам согласия.

«Народные», только на словах, комиссары распоряжаются народом, который они превратили в рабство. Выбранные ничтожными кучками населения, под кнутами китайских наймитов, – более страшные <sic> всех тиранов в мире, бывших и будущих, – комиссары куют всемирную коммунистическую революцию², чтобы досыта упиться честолюбием. А для отсрочки – предлагают мир.

Ответ на эти еще не предложенные условия мира имеется.

Верховный Совет в Париже вырабатывает проект более сильной, чем теперь, помощи армиям возрождающейся России.

Диктатура коммунистов, а не пролетариата, как вначале предлагал Ленин, доживает последние дни.

Но дни эти – самые грозные дни для нас.

В эти дни чувствующий последние свои минуты враг напрягает силы и старается схватить «мертвой хваткой» противника, чтобы если не победить, то отдалить время своей смерти.

В эти грозные дни мы с честью должны нести нашу цену страданий во имя блага Новой Единой России.

Мы с уважением должны глядеть на людей, защищающих счастье Родины, помня, что «уважение людей вызывает побуждение к совершению выдающихся дел». Признание заслуг дает новые силы, и это заметно по тому, как фронт приветствует всю полезную для армии работу тыла.

Какого презрения заслуживают шепоты тех, кто по темным уголкам уверяет, что армия борется за карманы спекулянтов и грязные лапы старого режима. Ради корыстных побуждений, наконец.

Общеизвестно, что нет высшего наслаждения, как переносить страдания за тех, кого мы любим. С какой сладостью несут свои цепи страдания влюбленные и друзья, как могут они жертвовать друг за друга, как бескорыстно родители работают и трудятся для пользы и счастья своих детей. Где же тут следы себялюбия, корыстолюбивых побуждений? Мать, страдающая, борющаяся за свое дитя и жертвующая жизнью, – корыстолюбивая?

А слава, которую получает солдат, умирающий за родину? Про это можно сказать словами Горация: «Сладостно и почетно умереть за отечество»³.

А люди в темных углах шепчут: «Но разве не забываются тысячи погибших на полях битв».

Забываются, правда, но все-таки повторим, что умереть сладостно, потому что герой счастлив, зная, что защищает дом и очаг, и прекрасные блага отечества, и почетно потому, что защитники, хотя имена их в отдельности и неизвестны, все-таки причастны чести и славы великой борьбы, беспримерного в мире героизма.

Но есть еще героизм жизни тыла, героизм не ниже героизма позиций. Какое бы восхищение ни вызывала сила героев, беззаветно идущих вперед, нравственное мужество должно вызывать у нас не меньшее почтение. Если слабый человек, дитя или женщина приводят в исполнение то, на что, собственно, осмеливаются только сильные, мы пред этим должны преклоняться.

«Мужествен укротитель львов, мужествен завоеватель мира, но мужественнее тот, кто самого себя победит», – говорит древний мудрец Платон.

Переживаемые дни много дали примеров такого мужества. И оно должно не уменьшаться, а увеличиваться. Цепь наших страданий велика, не всем достанется лавровый венок славы, но на долю всех выпадет ветка мира.

«Победить сердце есть подвиг, а я уважаю храброго человека, но кто побеждает сердцем, тот для меня еще больший герой», – говорит Шиллер.

Сердце свое, дряблое сердце российского обывателя – мы победили, мы научились, доросли до понятия России как единого целого. И с высоко поднятой головой мы победим сердцем, воспринявшим любовь к родине, сердцем, которое, научившись любить, научилось и жертвовать, и быть героическим.

И исчезнет тогда тот «подлый раб», о котором говорит Достоевский, «тот вонючий и развратный лакей, который первый взмоется на лестницу с ножницами в руках и раздерет божественный лик великого идеала во имя равенства, зависимости... и пищеварения»⁴.

Дорогу и честь храбрости!

Источник: *Всев. Тараканов. Цепи страдания // Вперед. 1919. № 135, 20 (7) сент. С. 1.*

Примечания

¹ Речь идет об участии Советской России в Парижской мирной конференции (1919–1920), созванной державами-победительницами для выработки и подписания мирных договоров с побежденными государствами.

² Доктрина мировой пролетарской революции, в основе которой лежала концепция К. Маркса о непримиримой классовой борьбе эксплуатируемых и эксплуататоров, являлась важной составляющей официальной идеологии Советской России в пореволюционные годы и практически всю первую половину 1920-х гг. В «Манифесте I Конгресса Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», подготовленном Л. Троцким, указывалось: «Наша задача состоит в том, чтобы <...> объединить усилия всех истинно революционных партий мирового пролетариата и тем ускорить победу коммунистической революции во всем мире» (цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 105). Вопрос о всемирной революции, или международной революции, не ставился в работах В. И. Ленина: «Странное и чудовищное» (1918), «К истории вопроса о несчастном мире» (1918), «О революционной фразе» (1918), «Главная задача наших дней» (1918) и др.

³ Гораций. Оды. Кн. III. Ода 2.

⁴ Слова Степана Трофимовича Верховенского из романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (Ч. II. Гл. V. Перед праздником).

Антипка

(Сказка)

Антипка – чудака. Все ждал, когда с неба манна падет или конек-горбунок явится.

Нету.

Пыхтит от горя Антипка. Сапоги чинит и плачет:

– А-а-а...

Приходит человек, говорит:

– Антипка, хочешь аршин керенок?

Подумал Антипка, лучше, пожалуй, попросить аршин ситцу, да так, с бухты-барахты, брякнул:

– Хочу!

И сказавши, сам испугался. Вдруг его, тюрю, высекут.

Не высекли.

Дал этот человек Антипке винтовку, говорит:

– Бей.

Антипка размахнулся – раз!

И в стену.

Кулак зашиб.

– Не туда, – говорит человек, – вон буржуй.

Антипка – шлеп!

Нету буржуй.

Только смотришь, с Антипки рубаха последняя слетела.

– Пошто? – спрашивает.

– Раньше, – говорит человек, – буржуй я драл, чтобы одеваться, а теперь нету буржуй. Значит, тебя.

– Ладно, – говорит Антипка, – я тоже кого-нибудь обдеру.
Антипка – стук!
Кума Семена.
Прямо по голове.
Не пикнул. Окомунарился.
Поживился Антипка.
Глядь – месяц прошел, – человечек у Антипки последнюю муку утащил.
– Пошто тащишь?
– Кума ты убил. Кто меня кормить будет.
Еще раз ка-ак размахнулся Антипка на этого человечка, ка-ак размахнулся, да ка-ак хватит.
Себя по лбу!
Очнулся через день.
Смотрит.
Гольй весь. Хуже чем мать родила, потому что кто-то клочок кожи с купецкую ладонь вырезал.
Лежит.
И плачет.
Жалобно так, как ягненок.
– Мя-я... я...
Никому только не жалко – смеются.
– Это – сказка.
А мораль?
Есть такой писатель, Федор Михайлович Достоевский, хотя и контрреволюционер, но ничего, читают. Нравится.

Ну так вот этот писатель в одном месте говорит: «Откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека увлечь можно»¹.

Это вам не «грабь награбленное»²!

Источник: *Лыков Иван*. Антипка (Сказка) // Вперед. 1919. № 135, 20 (7) сент. С. 2.

Примечания

¹ Слова Кармазинова в передаче Петра Степановича Верховенского из романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (Ч. II. Гл. VI. Петр Степанович в хлопотах).

² Лозунг В. И. Ленина (1918), восходящий к марксистскому термину «экспроприация экспроприаторов».

Предзимнее

Как и следовало ожидать, – зима, надвигаясь, заставляет подыскивать себе зимние квартиры.

– Где не холодно.

А если можно – совсем наоборот, как говорят одесситы.

Тепло, например, в южной Америке.

Или на юге. У Деникина.

Панкова Е. А., Лоцилов И. Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед»

Но Деникин – человек серьезный, дураков не любит.
А американцы республики, Перу и Парагвай – ничего. Шутники.
– Гостей принимают.
Посему Ленин, Троцкий, Зиновьев и прочие, их число – 12, решили к ним.
В Южную Америку.
А то Юденич – холод несет, англичане с Архангельска – холод. Да и у самих,
в Петрограде, Москве – не особенно тепло.
– Страх и тот не согревает.
Дрожишь.
– Но...
Прежде чем отдыхать в тепле, – нужно заработать право на отдых.
А разрушать – это не работа.
Например, дом поджечь.
Никак работой назвать нельзя.
За такую работу, м<илостивые> г<осудари>, по голове не глядят.
А разрушать Россию – не дом поджечь.
Хуже будет!..
– Так что, господа совнаркомы, не придется вам на буйволов охотиться, мус-
тангов укрощать и за индианками ухаживать.
– Конечно, там тепло.
– Фрукты есть.
– Попасть туда желание большое имеете,
Но –
Бешеную собаку шоколадом не кормят,
Крокодил колыбельные песни не поет.
– А посему
Ленин и товарищи его в Южную Америку не попадут,
– Они нам нужны,
Для изучения –
Что нужно делать, дабы меньше дураков в России было...
А Южная Америка поплачет – поплачет да и успокоится.
– Планида-с...

Источник: *Лыков Ив.* Предзимнее // Вперед. 1919. № 146, 12 окт. (29 сент.)
С. 2.

Они же

Все знакомые считали Палкина знаменитым человеком.
– Как же, говорили они, подпольный. Целый месяц в тюрьме сидел.
И с уважением смотрели, как Палкин за версту от каждого городского бегал.
И дома «аки зверь лютей» на ночь свирепо орал:
– «Отречемся от старого мира...»¹
Пришло время, когда городского не стало.
– Поздравляем, – сказали Палкину. – Наконец-то вы свободны.
Палкин ехидно улыбнулся:

– Кто?

Это я-то свободен? Дудки. Вы так скоро думаете от городского освободиться? Нет, он жив!..

И стал Палкин на всех перекрестках кричать о контрреволюции. Если не извозчик, будешь контрреволюционер, вдобавок – буржуй; если брешьшься ежедневно – буржуй; воротнички, манжеты имеешь – контрреволюционер и старорежимник.

Знакомые говорят Палкину:

– Надоело нам на митинги ходить да вас слушать – работать хотим.

– А... – ухмыляясь криво, сказал Палкин. – Знаем мы вашу работу!..

И отошел прочь.

Ну, думали, тем и кончится. Разошлись спокойно по домам.

Палкин не дремал.

Собрал тех, кому достаточно страху своего об городском напел, говорит:

– Ну, товарищи! Последняя минута пришла – пан или пропал. Буржуи крепостное право хотят ввести, а если его не введут, то двадцатичасовой рабочий день обязательно. Надо власть в свои руки взять, работать тогда не придется. Вот заживем.

Все рыдали от радости.

Как же –

Работать не придется.

А так как сами править они не умели, да и не хотелось учиться, – будет, дескать, поработали, отдыхать надо, – то и отдали власть Палкину.

Приосанился тот, крикнул.

– Ну, городские, вылазь! Теперь-то вы нам не страшны... К стенке!..

А так как городских нельзя было найти, – они еще раньше всю власть передали Палкину, теперь от работы отдыхали, то схватил Палкин первого попавшегося из знакомых.

– Буржуй –

И к стенке.

И таким образом воцарилась на Руси Коммунистическая Федеративная Республика Советов – Господина Палкина с учениками...

Источник: *Лыков Иван*. Они же // Вперед. 1919. № 147, 14 окт. (1 сент.). С. 2.

Примечания

¹ «Отречемся от старого мира...» – Первые слова революционной песни «Рабочая марсельеза» (музыка К. Ж. Руже де Лиля, обработка А. Глазунова, слова П. Лаврова), появилась в первые месяцы после Февральской революции.